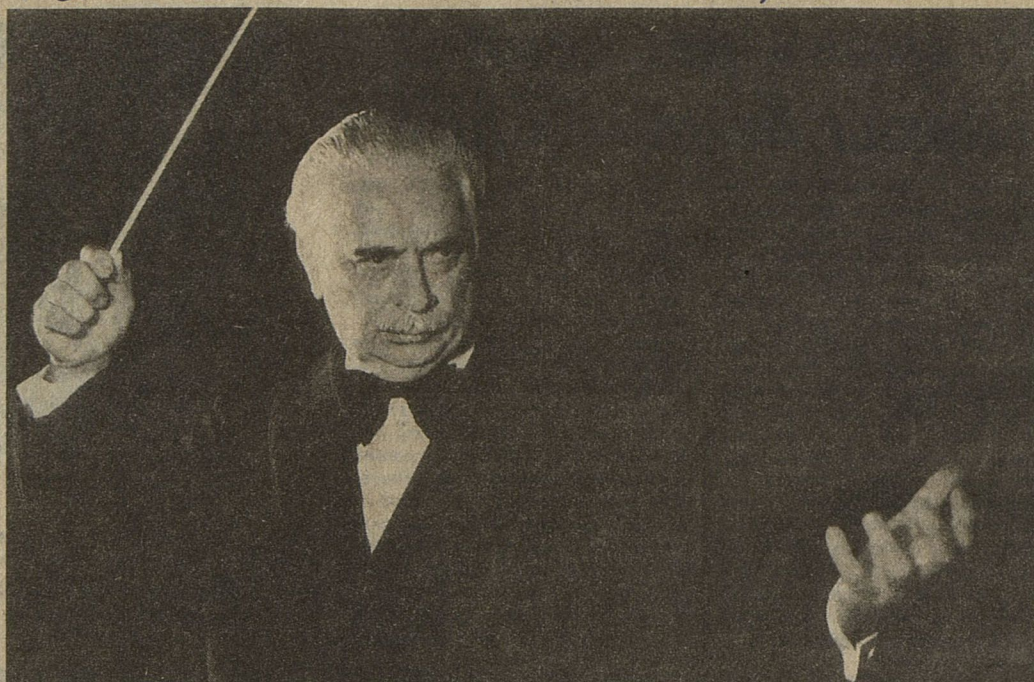

Для начала — короткая хронологическая запись: родился оркестр в Харбине в 1934 году; в 1936-м — сформирован и начал профессиональную работу в Шанхае; в 1947 году — переехал в Казань, но до 1953 года — шок и летаргический сон по причине «табу», наложенного на джаз. А потом — Москва, успех на Международном фестивале молодежи и

Сов. культура. — 1991. — Июнь. — С. 10

О. Л. — ФОРМУЛА ДЖАЗА

студентов, и — по сей день — активнейшая концертная деятельность в стране и за ее пределами.

Это все про джаз-оркестр Олега Лундстрема. 55 лет во главе коллектива — редчайшее постоянство! Столь же постоянна и моя дружба с Олегом Леонидовичем и, соответственно, с его ближайшими сподвижниками. Правда, не со дня рождения коллектива, а с 1947 года, когда он переехал в Казань. Обо всем, что происходило с «лундстремовцами» до той поры, знаю лишь по документам и рассказам.

...Итак, Харбин 1934 года. В городе, где доминировало русское население, возник любительский студенческий джаз-оркестр. Было, казалось, все для этого: большое желание играть хорошую музыку, инструменты и полупрофессиональное владение ими. Не хватало лишь «малой малости» — руководителя, который мог бы сколотить достойный коллектив. На общем собрании открытым голосованием избрали Олега Лундстрема. И как показала жизнь, не ошиблись: упорная работа, прекрасный вкус, высокий профессионализм и требовательность руководителя позволили коллективу занять одно из ведущих мест среди профессиональных оркестров и открыли для него двери крупнейших площадок Харбина и Шанхая.

...Грянула вторая мировая война. Призыв «Вставай, страна огромная» незамедлительно привел музыкантов (они были советские подданные) в Советское консульство с одной просьбой — помогите уехать на Родину и попасть на фронт. Россия в опасности, и наш долг — защищать Отечество с оружием в руках. Однако этот патристический порыв, повторенный неоднократно, так и остался нереализованным. Руководство страны, объявлявшее целые народы врагами, изменниками и отправлявшее их в тыл, подальше от фронта, предпочло не связываться с этими «не нашими» русскими.

А в это время растущая популярность России пользовалась предпринимателями. Забавную историю по этому поводу рассказывал сам Олег Леонидович:

— Однажды в городе появи-

лась реклама — «Оркестр п/у Лундстрема из Москвы». Естественно, я тут же бросился объясняться с хозяином: «Как так? Почему из Москвы? Мы русские, но проживаем здесь». Мои доводы быстро были опровергнуты: «Вы граждане СССР? Да! Ну, значит, все о'кей!» Тогда я решил воспользоваться случаем и поговорить с шефом о повышении гонорара за выступления оркестра. Реакция была «железная» — хозяин достал из ящика браунинг, снял с предохранителя, положил перед собой и с металлом в голосе переспросил: имеются претензии? Само собой разумеется, претензий «не оказалось».

...Кончилась война, и коллективу оркестра наконец-то разрешили переехать в СССР, а местом проживания определили Казань. Шел 1947 год. Эпоха печально известных постановлений ЦК об искусстве, борьбе с чуждой идеологией, в частности с джазом как явлением вредоносным для советских людей. Все благие намерения, планы, надежды коллектива и его руководителя пошли прахом. Оркестр был приговорен к смерти. Перед каждым встал классический вопрос: «Что делать?» Братья Лундстрем — Олег и младший Игорь (преданный товарищ и сподвижник) — остались верны музыке.

С переменами, происходившими в стране, постепенно менялось и отношение к джазу. Когда в 1956 году состоялась моя творческая встреча с Олегом Леонидовичем, шла подготовка к премьере водевиля «Свадебное путешествие» в казанском Большом драматическом театре имени Качалова. Я — тогда молодой режиссер — решил использовать джаз. Но необходимо было оркестровать музыку, написанную Н. Богословским. Поиски аранжировщика и музыкального руководителя спектакля привели меня в «яму» оперного театра к скрипачу Олегу Лундстрему. Задание он выполнил блестяще, и этим во многом определился успех спектакля, который прошел более 300 раз. Для Олега Леонидовича и одной из участниц труппы, артистки Гали Ждановой, «Свадебное путешествие» в буквальном смысле слова оправдало свое название — их совместное «путешествие» по жизни продолжается и поныне.

Вскоре нам удалось «перетящить» О. Лундстрема к нам в театр на должность заведующего музыкальной частью. И он создал музыку ко многим и многим спектаклям. Однако, мне казалось, работы только в театре для такого талантливого и энергичного человека мало. Не давала покоя мысль возродить оркестр для концертной деятельности. Загорелся этой идеей и Олег Леонидович. И началось: все выходные дни, ночами шла подготовка, потому что музыканты работали в разных местах: кто — в оперном театре, в филармонии; кто — в драме, в оркестре кинотеатров; кто — в консерватории. Собрать их вместе было непросто. Оркестровые релетиции,

подбор вокалистов, сочинение текста концерта — на все это тратилась масса времени. Наконец — день первого концерта. Концерта, который никогда бы не состоялся без поддержки таких прекрасных людей, как директор Театра имени Качалова Г. Ригорин — бесплатно предоставивший на несколько вечеров помещение театра, и М. Боголюбов — директор филармонии, финансировавший пошив костюмов и изготовление оформления, композиторы А. Ключаров и С. Сайдашев.

Десять концертов подряд — десять битковых аншлагов стали большим событием в культурной жизни Казани. В программах впервые в джазовую обработку прозвучали произведения татарских композиторов и написанная О. Лундстремом «Легенда о Сююмбеки», основанная на татарских народных мелодиях.

А потом — все пошло как «по маслу»: в один из вечеров на концерт случайно попал М. Цин и до конца дней своих «приварился» сердцем к коллективу, став его директором. Многим обязан оркестр ему: с помощью М. Цина к решению ряда жизненно важных вопросов были привлечены такие выдающиеся музыканты, как Д. Шостакович и Д. Кабалевский, А. Хачатурян и В. Мурадели, Т. Хренников и Ю. Шапорин, писатель С. Михалков, и многие другие.

Однако положение коллектива долгое время оставалось шатким: джаз уже не запрещали, но еще не ясно было «нужен ли он?». Причем вопрос «нужен ли?» возникал у тех, кто «от имени народа» в любой момент без всяких аргументов мог сказать нет. Значит требовалась мощная, закаленная в боях творческая личность, которая способна была бы противостоять начальству. После долгих размышлений мы обратились к Николаю Павловичу Акимову с предложением стать художником и постановщиком программы. Работа с ним надолго осталась в нашей памяти, а созданная им эмблема оркестра (из букв О и Л) живет и по сей день. Безусловно, пригодились и его «бойцовские качества». Как мы и опасались, программу запретили перестраховщики-чиновники, и только Николай Павлович, буквально ворвавшись в кабинет высокого начальства из Министерства культуры РСФСР, смог добиться нового просмотра.

В дальнейшем благодаря высокому творческому уровню коллектива с ним охотно сотрудничали ведущие мастера советского театра: Г. Товстоногов (с ним мне также довелось работать, ставить программу и защищать ее от запрета), Е. Симонов. Биография коллектива славна и тем, что в нем начинали свой творческий путь на большую эстраду Алла Пугачева, Ирина Понаровская, Ирина Отиева — перечень этот можно было бы продолжить. Крепкая дружба связала оркестр с советскими композиторами, причем характерно, — с музыкантами разных художественных стилей,

направлений, почерков. В их числе Андрей Эшпай и Кара Караев, Юрий Саульский, Мурад Кажлаев и Игорь Якушенко. Думаю, даже в этом коротком списке знаменитых имен (а им далеко не исчерпывается авторский состав, «приписанный» к Лундстрему) — широта интересов и возможностей этого джаз-оркестра.

...Когда перебираешь в памяти прошедшие годы, вспоминается и трудная пора, и успехи, и трагические ситуации — их было немало. Вот один из наиболее ярких эпизодов: молодому, подававшему надежды режиссеру И. Шарову (ныне — народному артисту СССР, профессору ГИТИСа) было поручено поставить на сцене Кремлевского театра концерт для делегатов XXII партсъезда. Решив порадовать всех масштабами зрелища, он соединил вместе четыре джаз-оркестра (в мощный ансамбль входил и джаз Лундстрема). И когда они заиграли «Нам песня строить и жить помогает», оглушив всех присутствовавших в зале, Никита Сергеевич Хрущев не выдержал и буквально выбежал из ложи. В результате этого эксперимента, режиссер на четыре года отправился поднимать музыкальную культуру в Якутске, а жизнь оркестра снова осложнилась.

Но какие бы препятствия не возникали, оркестр продолжал работать, завоевывая все большую любовь и популярность не только в нашей стране, но и за рубежом.

Недавно «лундстремовцы» удостоились высокой чести — их пригласили в Вашингтон на фестиваль-конференцию «Интернациональная ассоциация преподавателей джаза». Выступление прошло с большим успехом, но могло стать буквально мировой сенсацией, если бы оркестр перед поездкой был предупрежден, что фестиваль посвящается памяти Дюка Эллингтона. Ведь где-то в 30-х годах Олег Леонидович списал с китайской перепечатки пластинки музыкальную пьесу Эллингтона «Ленивый жуик», которая сегодня никому неизвестна, даже крупнейшим американским знатокам творчества короля джаза. Так что легко себе представить, какой бы имело резонанс исполнение этой пьесы в Штатах советскими артистами, которые открыли бы неизвестное сочинение кумира отечественной культуры.

К сожалению, вышло не так, однако нет худа без добра: презентация утраченной пьесы Эллингтона состоялась в Москве, в концертном зале «Россия», где выступил с юбилейной программой оркестр, возглавляемый единственным с момента основания и неповторимым руководителем, народным артистом республики Олегом Леонидовичем Лундстремом. В тот вечер москвичи встретились со многими советскими и зарубежными «звездами», чьи биографии связаны с этим коллективом.

Игорь ПЕТРОВСКИЙ.
заслуженный деятель искусств Татарской ССР и Абхазской АССР.